

В раздевалке воздух стоял неподвижно, словно замерзший лед.

Кончики пальцев Линь Е всё еще дрожали, он до боли сжимал пластиковую бутылку с минеральной водой, так что та деформировалась, а капли воды стекали сквозь пальцы прямо на пол — кап, кап, кап, подобно стрелкам отсчитывающего время секундомера.

Если он не вернется... мы все равно будем играть?

Никто не ответил.

В тот ливень семь лет назад, когда Се Линь сжег тактическую карту, они думали, что победили. Но лишь позже поняли: это была не победа, а капитуляция со сломанным хребтом.

Лу Цзин молчал. Стоя спиной ко всем, он медленно расстегивал пуговицы на футболке. В тот момент, когда ткань скользнула по шрамам, его мышцы напряглись, как натянутая до предела тетива лука. На левой ноге — устрашающий шрам, тянувшийся от тазобедренного сустава до коленного сгиба, — при свете холодных ламп отливал серовато-белым блеском, напоминая насильственно сшитый разлом.

Но прямо в центре этого шрама жирной черной маркером была выведена ярко-красная стрелка, указывающая точно в сердце.

Он снял с груди капитанскую повязку и легко положил ее на ладонь. Затем достал из внутреннего кармана потускневшую от времени эмблему — ту самую, которую семь лет назад накануне финала Се Линь лично приколол ему на грудь. Теперь ее края стерлись, а краска облупилась, но она по-прежнему обжигала кожу.

Он приколол ее на левую грудь, как раз поверх той красной стрелки.

Он не имеет права отсутствовать. Голос Лу Цзина был негромким, но звучал так, будто лезвие ножа скрестило по железу. Потому что он и есть наше тактическое ядро.

Мертвая тишина.

Дыхание Линь Е замерло. Старый капитан Ли Чжэн закрыл глаза. Чэнь Мо уткнулся лицом в полотенце, и его плечи беззвучно задрожали.

Дверь отворилась.

Ни шагов, ни шума — лишь тень бесшумно скользнула в раздевалку.

Се Линь.

На нем не было тренерской формы или знаков отличия, лишь застиранная черная куртка, а на воротнике красовалась старая эмблема команды — точь-в-точь такая же, как у Лу Цзина на груди.

Не взглянув ни на кого, он уверенно подошел к Лу Цзину и остановился в полушаге от него.

В воздухе треснула невидимая грань.

Я пришел, — голос Се Линя был очень тихим, словно он боялся потревожить что-то хрупкое. — Не для того, чтобы командовать.

Он поднял взгляд и впервые встретился с Лу Цзином глазами.

А чтобы... стать твоей тенью.

Лу Цзин не шелохнулся. Он лишь медленно поднял руку, аккуратно отцепил эмблему со своей груди и протянул ее.

Се Линь не взял ее.

Он просто протянул руку и подушечками пальцев легко провел по красной стрелке на левой ноге Лу Цзина.

Ты нарисовал ее неверно, — произнес он.

Брови Лу Цзина слегка сошлись на переносице.

Стрелка не должна указывать на сердце, — голос Се Линя звучал тише шепота. — Она должна указывать... тебе под ноги.

Он наклонился и вытащил из шнурков аккуратно сложенный лист бумаги — это была не тактическая схема, а самый первый набросок расстановки, который Лу Цзин нарисовал на траве семь лет назад. Се Линь тогда тайком оторвал его и бережно хранил все эти семь лет.

Он развернул его и положил прямо поверх футболки Лу Цзина.

Ты кое-что упустил, — пальцы Се Линя коснулись самой сердцевины схемы. — Настоящая контратака — это не ожидание, пока противник промахнется. Это... заставить его поверить, что ты уже мертв.

Он поднял голову, его глаза горели. Ты ведь не умер, верно?

Горло Лу Цзина сжалось.

Тогда, — тихо произнес Се Линь, — ты должен стоять на ногах, а не стоять и ждать, пока я вернусь.

Лампы в раздевалке гасли одна за другой.

В темноте остался лишь один луч прожектора, падавший сверху и пригвоздивший обоих к центру светового столба.

Словно долгожданный суд после разлуки, словно молчаливая клятва.

Линь Е украдкой спрятал тактическую схему в гетры, Ли Чжэн засунул форму в сумку Лу Цзина, а Чэнь Мо вытер лицо и направился к выходу.

Никто ничего не сказал.

Но каждый знал —

Он вернулся.

Не в роли тренера.

Не в роли спасителя.

А в роли игрока.

Того самого игрока, что был лишь тенью, принадлежавшей одному лишь Лу Цзину.

Через десять минут прозвучит свисток.

Наконец Се Линь поднял руку и легко потянул Лу Цзина за манжету.

Идем? — спросил он.

Лу Цзин не ответил.

Он просто уверенно шагнул в бутсу той самой левой ногой, которую когда-то Се Линь лично обматывал бинтами.

Затем повернулся и толкнул дверь.

Луч прожектора последовал за ними.

За дверью шумел стадион, ревела многотысячная толпа, и трескалась стена молчания, длившаяся целых семь лет.

А внутри раздевалки на полу тихо лежала разорванная и вновь собранная тактическая карта.

Алые чернила тускло мерцали в темноте:

Если ты вернешься, этот строй искупит вину.

Но теперь искупление было больше не нужно.

Потому что они наконец-то вместе шагнули навстречу победе.

<http://bllate.org/book/19070/1873136>